

Теперь, когда занятия отменили, а А-Хуань не было рядом, я осталась совсем одна, не зная, чем заняться. На душе было тоскливо, и я велела подать лошадь, взяла лук со стрелами и отправилась в парк поохотиться. В императорском саду стражники вспугивали дичь, а соколы и собаки сопровождали меня — так что к полудню я успела подстрелить трёх фазанов и двух зайцев. Я распорядилась отнести добычу: двух зайцев — в Чертог Ссяньцзюй, двух фазанов — Ли Жую, а себе оставила лишь одного фазана. Посланцы вскоре вернулись, улыбаясь, и доложили: «Оба Ваши Величества, узнав о подношении принцессы, весьма обрадовались и велели пригласить Вас для беседы».

Я последовала за посланцем в Чертог Ссяньцзюй. Внутри я увидела отца — он, вопреки обыкновению, поднялся с постели и сидел на троне, а рядом с ним находилась матушка. Они, казалось, беседовали о чём-то незначительном, и отец выглядел непривычно бодрым, даже морщины на лице будто сгладились. Заметив меня издали, он улыбнулся, не дал совершить поклон и сразу велел подать стул, а потом спросил: «Что вдруг на охоту захотелось?»

Я ответила честно: «Просто нечего было делать, решила поупражняться в верховой езде и стрельбе».

Отец усмехнулся: «В одиночку? Ни с кем не сходила?»

Меня всё же кольнула обида, и я выпалила: «Обычно со мной Вэй Хуань, но сегодня её не было, вот я и никого не позвала».

Матушка взглянула на меня и обратилась к отцу: «Саньлан, Вэй Хуань — та самая девушка из клана Вэй из Цзинчжао. Она из восточной ветви, прадед её был при Суй удостоен титула гуна Хэнъань, дед Хун Бяо служил в управлении князя Ци, получил посмертное звание чжун дафу, а отец её, Сюаньчжэнь, недавно назначен чжанши области Юйчжоу».

Отец на мгновение задумался, потом спросил: «Та, что танцевала с Сыцзы? Кажется, не слишком светлокожа».

Матушка ответила: «Посмотрим». Затем поманила меня к себе, поправила воротник: «Как это ты вышла, не поправив одежду? И причёска растрёпана, на кого похожа? Позови Ваньэр, пусть тебя причёшет».

Ваньэр вышла и проводила меня во внутренние покои, где за материнским туалетным столиком принялась укладывать мои волосы. Хотя я и понимала, что вчерашнее — не её вина, на душе всё равно оставался неприятный осадок, и я, в отличие от обычных дней, не болтала с ней без умолку, а молчала, пока она не собрала волосы в высокую причёску. Тогда я нарочно сказала: «Зачем ты сделала такой старомодный узел? Я будто постарела».

Ваньэр спокойно ответила: «Принцессе уже четырнадцать, давно пора носить высокие причёски. То, что во дворце до сих пор делали Вам детские укладки, — их упущение».

Я возмутилась: «Это я сама велела им так делать! Мне так нравится».

Ваньэр взглянула на меня, достала жемчужную шпильку и воткнула её в волосы, сказав сдержанно: «Тогда это Ваша ошибка. В четырнадцать лет нужно выглядеть соответственно возрасту — не как в двенадцать и не как в тринадцать. Нельзя вечно оставаться ребёнком».

Мне показалось, что эти слова прозвучали не по указке матери, и я искоса посмотрела на неё, пытаюсь уловить что-то в её лице, но она лишь закончила меня прихорашивать и проводила обратно.

В это время появился Ли Жуй — в полном парадном облачении. Он почтительно поклонился в переднем зале и начал доклад: «...Что касается простолюдинов, мужчин и женщин низшего сословия, то соответствующие управления ежегодно, весной и зимой, выделяют им одежду по сезону. Осмеливаюсь просить Высочайшего решения».

Я поняла, что речь идёт о деле Эрняна, и невольно замерла на месте, украдкой наблюдая за матушкой.

На её лице не дрогнул ни один мускул, она по-прежнему сидела с улыбкой и, когда Ли Жуй закончил, повернулась ко мне: «Причесалась? Дай-ка матушке посмотреть».

Подозвав меня ближе, она внимательно осмотрела и, улыбнувшись, тронула кончик моего носа: «Сыцзы становится всё краше». Затем подтолкнула меня к отцу: «Саньлан, посмотри, наша Сыцзы уже такая взрослая».

Я лишь тогда заметила, что на лице отца мелькнула тень недовольства, но матушка быстро отвлекла его, и он, улыбаясь, взглянул на меня — с любовью и лёгкой грустью: «Сыцзы выросла». Затем, повернувшись к Ли Жую, мягко сказал: «Дела простолюдинов тебя не касаются. Этот доклад неприемлем. Впредь, прежде чем что-либо предлагать, советуйся с наставниками и подчинёнными, обдумывай свои действия».

Ли Жуй явно был озадачен, но не посмел возражать и лишь угрюмо согласился. Матушка сказала: «Если нет официальных дел, не стоит о них говорить. Давайте просто пообедаем всей семьёй, а потом прогуляемся по галерее, полюбуемся осенними пейзажами. Как вам?»

Отец кивнул, глядя на Ли Жуя, и в конце концов не сдержал лёгкого вздоха.

Отец действительно постарел. Я говорю не только о его болезни или внешнем виде.

Раньше, на семейных трапезах, даже если отец говорил мало, в каждом его движении чувствовалось величие государя и отца — разительный контраст с матушкой, сидевшей рядом в роли «мудрой жены и заботливой матери». Разница в положении была очевидна.

Но сегодня отец словно превратился в обычного старика. Он говорил больше обычного, но утратил прежнюю властность, тогда как матушка, напротив, была полна энергии и воодушевления.

Ли Жуй и я заметили эту перемену. Я, пользуясь тем, что была дочерью и имела с матушкой естественную близость, незаметно придвинулась к ней. Ли Жуй же стал гораздо молчаливее и больше не позволял себе прежних шуток, как в те времена, когда он был циньваном.

Обед прошёл невыносимо скучно, и уходили мы тоже безрадостно: отец удалился в свои покои, матушка произнесла несколько общих фраз об усердии в учёбе, Ли Жуй ответил в казённо-официальной манере, а я почтительно попрощалась с матушкой и Ли Жуюем — и вся наша семья, разделившись, разошлась в четыре стороны, не проявив ни малейшей привязанности к этим редким теперь встречам.

Почему-то на душе стало тоскливо.

Выйдя из Чертога Ссяньцзюй, я неспешно прогулялась и незаметно для себя вышла к дому Цуй Мин-дэ. Она сейчас пользовалась благосклонностью матушки и вместе с Дугу Шао получила тихий дворик, расположенный недалеко от Чертога Ссяньцзюй и моих покоев.

Дугу Шао и Цуй Мин-дэ были разными. Цуй Мин-дэ служила женщиной-чиновником во дворце и не могла покинуть его без особого разрешения. Дугу Шао же была специально вызвана ко двору и, подобно прочим чиновникам, являлась на службу по утрам, а после обеда и вечером по очереди с двумя помощниками оставалась на дежурство, поэтому сегодня её во дворе не было.

Когда я вошла, то увидела Цуй Мин-дэ в простом белом платье: в одной руке она держала книжный свиток, другой — канат качелей. Она сидела, покачиваясь, и, когда подул ветер, листья упали ей на одежду, но она, казалось, ничего не замечала, полностью погружённая в чтение.

Я подошла: «Цуй Вторая».

Она слегка подняла голову: «Эрнян». Спустилась с качелей, отложила книгу в сторону, и её служанка тут же подала чай — прозрачный настой, цветом подобный весенней воде.

Я приняла чашку, сделала маленький глоток и почувствовала, как аромат разлился во рту. Улыбнувшись, сказала: «Не ожидала, что и ты любишь такой чай».

Цуй Мин-дэ ответила: «Я услышала от Вэй Четвёртой, что так заваривают. Получается куда вкуснее, чем мутный чайный отвар. Такой лёгкий чай можно выпить несколько чашек, и ночью не будет бессонницы, для здоровья полезно». Она сама отпила глоток и, когда я уселась во дворе, тоже присела: «Эрнян, утром ты присылала ко мне человека, я уже ответила. Потом заходила сама, но тебя не было, поэтому вернулась. Собиралась прийти через час-другой, но ты сама появилась — вот и сэкономила мне путь. Эрнян, ты искала меня по какому-то делу?»

Я улыбнулась: «А разве нельзя просто так зайти?»

Цуй Мин-дэ слегка улыбнулась: «Завтра здесь будет А-Шао. Если хочешь покататься на лошади или поиграть в цуцзюй, приходи завтра».

Я сказала: «Дело не в играх. Мне нужно кое о чём тебя попросить». И вдруг заметила, как она улыбается, глядя на меня: «Значит, всё-таки дело есть».

Мне стало немного неловко, и я тихо промолвила: «Я давно не ходила на занятия, да и разными делами была занята, так что у нас не было времени поговорить. Теперь, когда всё немного улеглось, хочется пообщаться поближе. Гляжу я — из всех, кто был с нами тогда, во дворце осталась только ты».

Цуй Мин-дэ медленно произнесла: «Разве не осталась ещё Вэй Четвёртая?»

Я ответила: «Она... она не такая, как ты».

Цуй Мин-дэ тихо рассмеялась: «Тех, кого когда-то выбрали в спутницы из тысяч кандидаток, даже если сейчас они не имеют ранга, всё равно не сравнить с дворцовой прислугой. Эрнян, не стоит за неё переживать».